

И.А. Пантелева

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского, Украина

ОСОБЕННОСТИ АНТИЧНОГО БОГОСЛОВСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ

В статье делается попытка проанализировать особенности богословского красноречия в рамках античного перформансного дискурса, определить степень влияния светского красноречия на формирование стиля презентации христианской проповеди, доказать, что богословское красноречие наследует стиль, форму античного декламационного перформанса.

Христианизация и варваризация Европы ознаменовали переворот в античной культуре. С появлением христианства миру был явлен новый тип социальных отношений, который нашел свое отображение и в ораторском искусстве. Новый идеологический контекст определяет содержание ораторского перформанса: красноречие окончательно теряет политическое содержание и постепенно заменяется богословским. Основным его видом становится церковное, ораторская художественная проза находит свое воплощение в форме проповеди, а теория речи (риторика) заменяется учением о подготовке и произнесении речей – *homileo*. Первые наставления, относящиеся к проповеди, и способы ее ведения встречаются в пастырских Посланиях апостола Павла. Но Апостол в своих Посланиях не ставил задачи, присущей гомилетике, его частные замечания сами по себе не представляют полное изложение руководящих правил касательно ведения проповеднического дела. В античные и Средние века слово «гомилетика» не употреблялось. Это название происходит от греческого слова *ὁμιλία*, которым с III в. обозначался господствующий род церковных поучений, состоявших из пояснения Святого Писания. Гомилетика, прежде чем стать наукой, преподаваемой в школе, слилась с риторикой, которая в те времена определяла и объясняла законы красноречия вообще.

Богословско-церковное красноречие – одно из древних, имеющее немалый опыт воздействия на массы. В этой связи оно попадает в ракурс изучения многих гуманитарных наук: религиоведения, философии, психологии, социологии (Е. Адамов, Т. Владышевская, М. Гаспаров, Е. Григорьев, М. Дронов, Ф. Зелинский, Б. Кутузов, В. Мартынов, В. Певницкий, Н. Успенский, Феодосий и другие). Проповедь как один из видов художественной прозы становится предметом изучения филологии, а также музыковедения, культурологии (А. Демченко, С. Аверинцев, М. Ягелло, А. Морилло, И. Рудик, М. Скабалланович, И. Эолян и многие другие). Среди многочисленных работ по выше-названным направлениям есть вопросы, требующие разъяснения и изучения. Одной из таких проблем является установление влияния античного красноречия на формирование основ религиозного дискурса. В связи с этим **цель нашей статьи** – проанализировать особенности богословского красноречия в рамках античного перформансного дискурса, показать влияние светского красноречия на формирование стиля презентации христианской проповеди, продемонстрировать, что при внешнем порицании речей ораторов богословское красноречие наследует стиль, форму античного декламационного перформанса.

Следует отметить, что древнее христианское красноречие развивалось разными путями, закладывая уже в те времена различия между двумя главными половинками христианского мира – восточного и западного. На востоке, в Греции духовное оратор-

ство, зарожденное на почве греческого красноречия и возвращенное греческими ораторскими талантами, достигает высокой степени процветания. При этом, как отмечает В. Певницкий, при избытке производительности образцов в Греции «теоретическим образом не обсуждают церковного красноречия и не думают составлять кодекс правил, которыми бы можно было способствовать лучшему и более правильному развитию церковного красноречия» [1, с. 297].

Греческие отцы понимали, что красноречие христианское не отождествляется со светским или языческим и не подчиняется тем же законам. Временами они выражали свои суждения по этому предмету, с особенным акцентом на своеобразный характер церковного красноречия. Но проповедническая практика поглощала все силы и не оставляла времени и досуга для теоретических рассуждений, а быстрое развитие проповедничества, колоссальный успех христианства устранили нужду в теоретических пособиях и указаниях. Тем более, что тщательно разработанная теория речи – риторика – была хорошо известна отцам-проповедникам как «выпускникам» риторских школ. Часто прибегая к ее знаниям, они не встречали никаких затруднений в своей деятельности. При этом проповедники не стремились преобразовать риторику в христианскую, основанную на указаниях и разборах условий и способов лучшего ведения своего церковно-проповеднического дела.

У греков риторское художественное чувство было хорошо развито. Речи светских ораторов стремились соответствовать этому чувству, они «рассыпали цветы красноречия, которыми думали услаждать и услаждали души слушателей, наживших потребность эстетического наслаждения художественной и изысканной речью» [2, с. 34]. Проповедникам приходилось считаться с изнеженным вкусом публики, избалованной светскими риториками. Полностью отказаться от художественности речи проповедникам не удавалось: публика хотела таких же речей, какими они наслаждались в светских аудиториях. Риторика и художественность церковного слова почти совершенно победила и вытеснила с церковной кафедры «омилию». Греческое проповедничество V и VI веков представлено большей частью пышными панегирическими речами, стоящими на середине между гимнологией и поучением. Со временем «теоретикам» церковного красноречия приходилось уделять внимание критике «сладостных» речей и «неразумной» публики. Так, св. Григорий Богослов, который не причисляет себя к числу «краснословов, похищающих благосклонность ласкательством» [2, с. 35], критикует тех, кто идет на проповедь, чтобы насытить слух и получить удовольствие. Св. Иоанн Златоуст отмечает: «Не для пользы, а для забавы очень многие слушают проповедника, подобно тем, которые сидят и судят о трагических поэтах или игроках на цитре» [3, с. 135].

С другой стороны, развивалась латинская проповедь, которая на первых порах не подлежала даже сравнению с греческой из-за своей скудности и практически отсутствия явных талантов или представляющих ценность ораторских произведений. До половины четвертого века латинская письменность не представляет никаких гомилетических памятников. До этого времени простирается первая темная эпоха латинской проповеди. Латинская проповедь первых веков христианства характеризуется строгим нравственно-дисциплинарным направлением. Ее отличительным признаком считается синтетическое развитие темы вместо аналитической беседы, присущей восточной.

По внешнему строю латинская проповедь в эпоху своего самостоятельного развития отличается отсутствием всякой риторики и искусственности в построении и изложении мысли. На западе похвала была в меньшем употреблении, оратор не рассыпается в богатой полноте слов, чем на востоке, а речи представителей южно-галльского проповедничества просты и безыскусственны.

Среди представителей латинского проповедничества можно назвать следующих: Иларий Пиктавийский, св. Амвросий Медиоланский, Блаженный Августин, Зенон Веронский, св. Лев Великий и св. Григорий Великий, Петр Хрисолог и другие. «Как ни авторитетны имена некоторых из этих проповедников, – отмечает В. Певницкий, – и даже как ни многочисленны гомилетические произведения иных из них, например блаж. Августина, в лице их латинская проповедь не приобрела такого значения, чтобы могла выдерживать сравнение с богатою и роскошною проповедью восточной и стоять подле ее в качестве особой вполне организованной силы. Их эпоха – эпоха не столько самостоятельного, сколько подражательного проповедничества. Не обладая таким даром ораторства, каким отличались на востоке св. Иоанн Златоуст, св. Василий Великий, св. Ефрем Сирийский, св. Григорий Богослов, св. Григорий Нисский, они в деле проповеди следовали путем, проложенным греческими проповедниками, и заимствовали у них и методу толкования писания, часто мысли и содержания, и манеру изложения» [1, с. 16-17].

Только в IV в. появляется церковное ораторство, а вместе с ним и христианская риторика как руководство и пособие для пастырско-проповеднической практики. Многие проповеди представляются не в форме бесед, а в форме трактатов и комментариев, которые перерабатываются из живых изъяснительных бесед. Меняется и форма самой латинской проповеди. «Внешняя обрядная сторона богослужения у римлян скоро, по водворению христианства, получила широкое развитие и приковала к себе сердца верующего народа. Пастыри церкви видели назидательность внешнего богослужебного чина и церемониальными формами связали свободу своего служения, мало думая о внутреннем веянии через них Духа Божия в слове и учении» [1, с. 304].

С христианской точки зрения риторика как художественная проза в теории была осуждена. С самого начала христианство противопоставило развитому в античной риторике вкусу к прекрасному свой литературный принцип, выраженный апостолом Павлом: «И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, а в явлении духа и силы» (1 Кор 2:4). В процессе принятия и адаптации Церковью античной культуры, который проходил на протяжении III – IV вв. далеко не безболезненно, проблема прекрасного вновь оказалась значимой для христианского мироощущения. На практике от нее было достаточно трудно отказаться, по крайней мере, на первых порах. Отцы Церкви, будучи греками и римлянами, оставались под влиянием вековой традиции, которая обуславливала и задавала тон литературной художественной прозе. Греки и римляне могли принять христианство, но новая религия не смогла заставить их забыть о своем происхождении. Как отмечает Ф.Ф. Зелинский, им пришлось идти на компромисс, «чтобы спасти художественность речи, не переставая быть верными примеру и заветам Учителя» [4, с. 258].

Компромисс пришлось искать еще и потому, что язык подлинника, а не переписанного впоследствии Святого Писания был не таким литературным, как яркие речи ораторов того времени. Текст Святого Писания был написан языком, который образованными людьми той эпохи не мог быть признан не только литературным, но даже грамотным: неправильные грамматические формы, неупотребительная лексика, бедность периодизации, неритмичность и т.д. Чтобы лавировать между необходимостью «завоевывать» публику назидательно, то есть использовать ораторскую технику, и обязанностью «оправдывать» в глазах образованных людей нелитературность Святого Писания, приходилось искать компромиссы, которые, в конце концов, замыкались опять-таки на художественном ораторском стиле.

Сторонники «новой» религии оправдывали языковую сдержанность своих книг, претендуя на другой род художественности, которая не требует выставления напоказ,

поскольку создается согласно благодати (*secundum gratiam* – бессознательно-художественно). Св. Августин призывает «ответить неучам, которые считают себя в праве пренебрежительно относиться к нашим писателям, не потому, чтобы у них не было той художественности речи, которой эти люди не в меру преданы, а потому, что они не выставляют ее напоказ». С другой стороны, он указывает, что многие риторические фигуры берут свое начало в Писании, в котором «все-таки осталось много такого, чему до сих пор никто из язычников подражать не сумел» [5, с. 259].

Простоту и безыскусность Писания оправдывали также и блистательные победы христианства, основанного на силе Слова, а не на его красоте. «Священное Писание, – подчеркивает Златоуст, – не стремится к красоте слов или их сочетаний, оно имеет в себе Божественную благодать, которая сообщает яркость и красоту словам его» [3, с. 245]. Божественная истина воспринимается не одним только рассудком, она вызывает ни с чем не сравнимое эстетическое удовлетворение как высшая красота. Именно этот факт заставлял людей верить, что сила убеждения простым слогом – это есть ничто иное как проявление высшего существа. Нелитературность давала еще один плюс: христианство не рассматривалось как новое направление философии. «Если бы ученики Господа пользовались диалектическими и риторическими уловками эллинов – можно бы было подумать, что Иисус выступает основателем новой школы философов», – отмечает Ф.Ф. Зелинский [4, с. 260].

Но Отцы Церкви никогда не выводили заключение, что стиль первых учителей христианства был обязателен и для последователей. Напротив, многие из них умело объясняли свое красноречие, причисляя последнее в число слуг истины (Исидор Пелусийский). Григорий Богослов на упрек в использовании им эллинской риторики, ответил: «Я последовал бы примеру рыбаков, если бы имел силу творить чудеса подобно им; но так как моя единственная сила заключается в моей речи, то я ее и посвящаю службе доброму делу» [цит. по: 4, с. 260]. Великий оратор христианства выходил из того убеждения, что словесное искусство независимо от выражаемых им идей христианства не противоречит духу и смыслу христианства и может, таким образом, служить прекрасным средством для проведения в сознание и убеждение людей христианских истин. Красноречие становится, таким образом, орудием надземной мудрости, которое содействовало распространению истины.

Интересен тот факт, что в своих речах проповедники открыто признавали безыскусственность языка Писания и первых христианских учителей. Так, Василий Великий называет язык Моисея, Ильи варварским, неученым, а Сульпиций Север просит извинить его за оскорбление неправильностью языка. Таким образом, в теории соблюдена вполне последовательность, а на практике в своих сочинениях проповедники стремятся к красоте и художественности слога, тем самым демонстрируют полное торжество художественной прозы в древнехристианской словесности.

Основные законы красноречия, разработанные светскими ораторами, нашли свое применение в церковной практике. Все требования, предъявляемые проповеди и проповедникам, можно свести к следующим положениям. Во-первых, внешняя художественность слова не должна стоять на первом плане, напротив, она служит лишь средством для усиления действительности проповеди. Внешнее приличие не цель для проповедника-оратора, а только средство, способствующее достижению цели, ведь соединение мудрости и красноречия приносит больше пользы. «Слог, имеющий в виду нравиться одним наружным красноречием, не должен быть употребляем сам для себя; напротив, его надобно употреблять только для того, чтобы он своей приятностью выражения несколько легче возбуждал и крепче удерживал мысль и чувство слушателей на тех пред-

метах, которые излагаются с пользой и достоинством», – отмечает Августин [5, с. 31-32]. Проповеднику не нужно пренебрегать художественностью слова, чтобы довести святую истину до сердца слушателей и возбудить их волю к благочестию.

Во-вторых, церковный проповедник в отличие от светского оратора имеет большой авторитет. Вследствие этого оратор светский стремится увлечь внимание слушателей, вызвать их на эмоции, поэтому он прибегает к внешнему искусству слова и ораторского действия. Проповедник говорит не сам от себя, предлагает не свое слово, а слово Божие. Божественный авторитет слова и учения придает проповеднику особую силу без побочных средств, которые направлены к увеличению действенности слова. Проповедник освобожден от лишней заботы о внешней стороне слова, сила которого сама по себе возникает от того источника, из которого черпает свое содержание проповедь – Святое Писание.

В-третьих, правильность речи проповедника, соблюдение ее литературности – это одно из главных требований к языку проповеди. Естественность, ясность, популярность проповеди не потеряли своей значимости со временем.

Христианская проповедь II и III вв. демонстрировала уже некоторые специально ей присущие черты, отличавшие ее от красноречия светского. Проповедь не беседа, а речь к народу и перед народом. По форме своей она подпадает под понятие ораторства и составляет вид ораторских произведений. Но одновременно, в отличие от искусственного ораторства, проповедь – это ораторство естественного явления. Такого характера были некоторые слова и речи Климента Александрийского, Тертуллиана, Илария, Оригена, Ипполита, Дионисия, Мефодия Тирского, Киприана, Арнобия, Лактанция и др. В IV в. богословское красноречие достигает блестящего своего периода: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст оставили неподражаемые образцы проповедей, в которых христианские черты – убедительная величавость и высокая мощь новой религии – гармонируют с ясностью выражений и высокохудожественным стилем языческих ораторов.

В заключение мы отметим, что, как и ораторство греко-римское, богословское красноречие давало образцы двух родов красноречия: *genus deliberativum* – учительное, или совещательное, и *genus demonstrativum* – торжественное, или панегирическое; область первого – ум и воля, второго – чувство и воображение. Стилем новой христианской проповеди стал азианизм, который скорее мог рассчитывать на снисхождение в христианской среде, чем классицизм. Он отличался своей техникой речи, которая не имела никакого отношения к той или иной религии. Классицизм, наоборот, олицетворялся с языческими образцами, насквозь пропитанными ненавистной «лживой мудростью». Крайних азианцев среди проповедников не было: христианство существенно смягчило его, доведя до умеренного.

Христианство внесло значительные изменения в ораторское искусство. В результате чего «перед христианским оратором пали границы пространства и времени: приняв красноречие в свое служение, христианская религия указала ему круг действия, границами которого может быть только бесконечность. Оно открыло ему неисчерпаемый источник новых идей. Озарив светом этих новых идей внутренний кругозор оратора и исполнив его внутренней силой душевного огня, она призвала его – *«глаголом жечь сердца людей»* [6, с. 45-46].

Выводы

С появлением христианства миру был явлен новый тип социальных отношений, где церковный дискурс начинает вытеснять традиционные типы античного перформанса: красноречие окончательно теряет политическое содержание и постепенно заме-

няется богословским. С христианской точки зрения риторика как художественная проза в теории была осуждена, но на практике полностью отказаться от художественности речи проповедникам не удавалось, поэтому им приходилось считаться со вкусом публики, избалованной светскими риториками. Облечив проповедь в античную ораторскую форму, придерживаясь стиля, выработанного античными Дедалами красноречия, богословский перформанс гарантирует себе поддержку простых граждан и тем самым обеспечивает победное шествие христианства по Европе. Перспективным направлением при изучении данной темы может быть анализ особенностей проповедей представителей античного периода христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Певницкий В.Ф. Св. Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетические правила / Певницкий В.Ф. – Киев : Тип. Киевопечер. Лавры, 1871. – 399 с.
2. Певницкий В.Ф. Церковное красноречие и его основные законы / Певницкий В.Ф. – Санкт-Петербург : И.Л. Тузов, 1908. – 304 с.
3. Златоуст Иоанн. Полное собрание творений / свт. Иоанн Златоуст. – М. : Красный пролетарий. – Т. 1. – 2006. – 608 с.
4. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы : [науч.-попул. ст.] / Зелинский Ф.Ф. – СПб. : Алетейя, 1997. – 417 с.
5. Блаженный Августин, епископ Иппонский. Христианская наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного красноречия / Блаженный Августин. – СПб. : ВІВЛІОПОЛІС, 2006. – 511 с.
6. Говоров А.В. Ораторское искусство в древнее и новое время / Говоров А.В. – Казань : ТипоЛитография Императорского Университета, 1897. – 46 с.
7. Певницкий В.Ф. Из истории гомилетики: Первая самая древняя гомилетика / Певницкий В.Ф. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1882. – 48 с.

І.А. Пантелєєва

Особливості античного богословського красномовства

У статті робиться спроба проаналізувати особливості богословського красномовства в рамках античного перформансного дискурсу, визначити ступінь впливу світського красномовства на формування стилю презентації християнської проповіді, довести, що богословське красномовство успадковує стиль, форму античного декламаційного перформансу.

I.A. Pantelyeyeva

Peculiarities of Antique Theological Eloquence

In the article the attempt is made to analyse the peculiarities of theological eloquence within the antique performance discourse, to define influence degree of secular eloquence on formation of presentation style of the Christian sermon, theological eloquence is proved to inherit the style, the form of antique declamation performance.

Статья поступила в редакцию 28.12.2009.